

Василий ВЕДЕНЕЕВ
Алексей КОМОВ

УШЛА ИЗ ДОМА
И НЕ ВЕРНУЛАСЬ...

"МультиМедиа"

Алексей Комов
Василий Владимирович Веденеев
Ушла из дома и не вернулась...

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=278442

Содержание

1. Мать	4
2. Отец	11
3. Сотрудник уголовного розыска	17
4. Ответственный дежурный по городу дежурной части главного управления внутренних дел	24
5. Сотрудник уголовного розыска	27
6. Врач «Скорой помощи»	31
7. Сотрудник уголовного розыска	34
8. Эксперт	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Василий Веденеев, Алексей Комов Ушла из дома и не вернулась...

1. Мать

... Занято, опять занято! Господи, ну, сколько можно болтать по телефону? И о чем? Когда в голове – ни одной мысли. Мозги совершенно не затуманены интеллектом.

Но дозваниваться нужно. Пусть я рухну замертво здесь, у телефона, но прорвусь.

Я снова, который раз, набираю номер. Стараюсь без суеты. А то еще не так соединит. За что мне все это навалилось? Ну почему у всех все хорошо, а у меня всегда несчастья? Вон и лак на ногтях наполовину облез. Все руки до маникюра не дойдут. Когда-то один близкий знакомый говорил, что такая небрежность претит хорошим мужикам. Правильно говорил... Ладно, мой ненаглядный и так должен ценить. Других все равно уже нет. Никакой личной жизни! Все ему, его делам, дочери. Его дочери! Не ценит. Спокойный сидит, довольный. Не ценит. Или не понимает, кому всем обязан?

Наконец-то длинные гудки. Что за манера так долго не снимать трубку? Ведь дома же, дома, только что болтала.

После шестого гудка в трубке щелкает, и подруженька томно тянет.

– Алло-у.

С каким-то английским акцентом. Думает, красиво. Все равно за километр видно «подвальное» воспитание. И годы ничего не изменили.

– Лялочка?... Здравствуй, это Тата... Узнаешь?

Еще бы ей меня не узнать! Когда «мой» приезжает из очередной заграничной командировки, она как на карауле около чемоданов. Откуда только узнает?

– Таточка, прелесть моя...

Действительно рада или изображает восторг? Все мы живем в мире условностей. Впрочем, все равно, не до нюансов...

– Лялочка, извини, что так поздно... Ну что ты, я же понимаю. У тебя было занято... Я по – делу.

– Таточка, знаю-знаю, я все уже поняла. Ты только не волнуйся, я все прекрасно помню. Я ей уже звонила. Но придется подождать. Ты не представляешь! Она сейчас шьет же не одного дипломата, перуанского, кажется... Не будем называть имен, телефон, сама понимаешь... Так вот там такая модель! Фантастика! Сейчас, оказывается, модно...

Пора как-то остановить этот поток. Иначе услышишь все сплетни стран Латинской Америки. А мне они сейчас совер-

шенно безразличны.

– Ляля! – говорю я тихо. Притворяться нет сил, и моя болтливая подружка понимает, что мне не до сплетен. – Ляля, моя Света у тебя не была сегодня?

– Не видела, – она удивленно примолкает.

– Спроси у Зойки, может, она сегодня виделась с ней? Или знает, где она?

– Сейчас спрошу... Нет, они уже с неделю не виделись. А что случилось?

– Ее до сего времени нет дома... – мой голос дрожит, и я ничего не могу поделать.

– Боже мой! И ты волнуешься? Нашла трагедию... Взрослая девка, а время еще детское. Сколько ей сейчас, семнадцать? Ты сама-то в эти годы что, до двенадцати не гуляла?

– Уже полпервого, – уточняю я, и снова голос срывается. Я окончательно разозлилась на Ляльку. Хорошо утешать, когда дочка под боком. И попробуй, приди она позже десяти, такая выволочка будет. А моя, вон, учудила вообще домой не прийти полторы недели назад. У подруги видишь ли, была. Знаем мы этих подруг.

Я так всю ночь и просидела под пледом в кресле. Утра дождалась. Дождалась. Утром входная дверь хлопнула, и мое кровное дитя, не глядя, буркнуло «привет», и удалилось в свою комнату. Словно так и надо. Где она бывает? О самом страшном пока думать рано. Пара коробок конфет и кое-что по мелочи позволили узнать некоторые подробности послед-

него медицинского осмотра. Вроде все тьфу-тьфу. Но куда же заносит девчонку последнее время? За полтора года совсем замкнулась.

Вот она, благодарность дочерняя. Я для нее все, а она доброго слова матери не скажет. Ну, я ей тогда устроила «небо в алмазах». Думала, изменится, – Как же, сегодня даже позвонить не соизволила.

– То-то и оно, что взрослая, – говорю я Ляльке.

– А когда ушла? – с интересом спрашивает она.

– Днем... Я побежала в магазин, прихожу, ее нет...

– Может Игорь знает?

– Нет, – отрезаю я...

Как же, знает. Мой благоверный сидит в кресле с «Иностранкой». Почитывает, как ни в чем не бывало. Другой отец давно бы уже весь город перевернул ради своего ребёнка, с ума сошел бы от беспокойства. А этот нет, спокойный... Спокойный! Какая же я дура! За то и наказана. Испугалась тогда.

Испугалась, что тот, другой, был замечательно сумасшедшим, что звонил по вечерам черт-те откуда, чтобы только пожелать мне спокойной ночи, исчезал на месяц, закопавшись в работе, а потом внезапно появлялся и начинался праздник.

А как прекрасно было просыпаться утром и чувствовать его рядом, словно слышишь красивую музыку. И этого праздника я тоже испугалась.

Нашла свое богатство. Спокойного. Инженера. Молодого,

подающего надежды. Вот мать моя обрадовалась. Все получилось. Как у людей, так и у него. Высокая должность, заграникомандировки. Шикарная квартира. Машина. Все есть. Все, а праздника больше не было. Только спокойствие...

– Татка, ты вот чего, ты сначала успокойся. Давай разберемся. Во что она была одета?

– Как это была! – взрываюсь я, – Ты чего говоришь? В своем уме?!

– Не психуй. Ну, не так сказала. Извини... Я ж в морг не советую звонить. Ты нормально скажи: во что она одета?

– Да они теперь везде в одних и тех же джинсах ходят. Или в этих, комбинезонах. Зачем тебе это?

– В светлых? – уточняет, не отвечая, Лялька.

– В светлых, в светлых, – нетерпеливо соглашаюсь я. Она что-то знает? – Для чего тебе?

– А ты разве не знаешь? – удивляется Лялька.

– Н-нет, – настораживаюсь я. В части новостей она даст фору любому информационному агентству. По части оперативности мужики из ТАСС или Рейтер рядом с ней – соплевые дети.

– Ты только не психуй, ладно? – Вот ведь, любит жилы тянуть.

– Да говори ты!

– Весь город гудит, а ты ни сном, ни чохом?! Баборез по городу ходит.

– Кто-кто? – не понимаю я.

– Ты где живешь? Ничего не понимаешь. Ба-бо-рез, – по слогам, как недоумку, повторяет она. – Мужик такой, всех баб режет, кто в белом или светлом. Жуть! В магазинах, говорят, самые шикарные белые пальто висят, и никто не берет. Ясно! Ты что, правда, не знала?

– Нет... – внутри у меня холодеет, – а, может, вранье все это? А? Нигде же не сообщалось. Наверное, предупредили бы.

– Можешь не верить, – обижается Лялька и замолкает. Закуривает, судя по всему, – в газетах тебе уж точно не напечатает. Или подожди пока во «Времени» предупредят. Ты вспомни, сколько про этого армянина молчали, который всех топором рубил. Это потом, когда поймают – сообщат: обезврежен преступник, шизиком оказался, но ничего страшного совершить не успел. Ты что, только родилась?

Я не очень верю во всякие ужасы. Тем более, Лялька – известная болтушка. С другой стороны – она всегда знает, кого ограбили, на кого напали. Она, говорят, специально в дружину записалась, чтобы подписку на милицейскую газету получить. «На боевом посту» – так, кажется. В ней много всяких подробностей рассказывают. Она как-то давала почитать. Может, и не слухи?..

– ...уже три случая, – увлеченно продолжает Лялька, забыв о роли успокоительницы. – Один, кстати, тут, рядом с нами, на Пресне. Ну, точно тебе говорю! У моего Шурика знакомый в прокуратуре. Имен называть не будем. Сама по-

нимаешь – телефон... Вот, зачем ему обманывать? Он подробно про это дело рассказывал. Ты пойдя, посмотри, чего она надела...

Я бросаю трубку и бегу в коридор, к вешалке. Светкиного белого плаща нет...

2. Отец

... Ловлю себя на том, что бесцельно вожу глазами по строчкам, ничего не понимая. Другим голова забита. Тут не до чужих переживаний – своих драм больше, чем надо. Сейчас бы лечь поудобнее, расслабившись всем телом, чтобы энергия прилила к мозгу, и мысли стали особенно выпуклые, яркие и мудрые. По методу древних индийцев или японцев. Шут их там знает. Не в этом суть.

Как же, тут расслабишься – сразу же налетит. И так скандала не миновать. Но хоть чуть позже.

Дочь исчезла, дочь исчезла! А почему? Этого она не спрашивает. Как спросишь, когда на себя придется внимательно посмотреть? Залюбила ребенка до смерти. Подозрения, попреки, «откровенные» разговоры, больше похожие на допросы с пристрастием. Дыбы только не хватает. В милиции за это по закону ответить можно, а здесь, какой закон?

В прошлом месяце у девочки что-то случилось, ну, как это сказать? В общем, не все вовремя. Взрослые люди, все понимаем. Так что же вы думаете? В доме Содом и Гоморра! У девочки – истерика, «моя» побежала в поликлинику. Там вроде успокоили. Так даже извиниться не догадалась. Забыла, что семнадцать лет – самый щепетильный возраст. Впрочем, она и раньше не знала слов «извини», «прости», «спасибо». Все всегда воспринимала как должное.словно весь

свет ходил у нее в должниках.

Совсем затуркала девку. И еще заявляет, что в дочери вся ее жизнь. Шла бы лучше работать, а не шастала целыми днями по комиссионкам. А то и дел только по телефону трепаться, жалуясь поочередно, то на судьбу, то на мужа, то на неблагодарную дочь. Ох, уж эти. «Лялечки», «Таточки», «Дусечки». Попробовал передразнить их перед зеркалом. Получилось. Улыбнулся даже. А потом грустно стало. Уж больно похоже на обезьяньи гримасы из «Мира животных».

Ага! Закончила болтать по телефону. Побежала зачем-то в прихожую. Ну, теперь «моя» и на нашу скромную персону обратит внимание. «Моя» – это вслух... «Мегера» – подразумевается само собой. Даже не верится, что когда-то я придумывал ей ласковые имена. Глупые и милые...

– Сидишь...?

Нет, прыгаю... Терпеть не могу идиотских вопросов. Что спрашивать, когда и так видно? Сказал бы что-нибудь, да неохота – себе же нервы портить. Лучше молчать. И я молчу.

– Ребенка дома нет! А тебе все равно!

Ну, не все равно. Может, я за дочь больше чем ты переживаю? Только кому это интересно? Это ты построила из своей материнской любви крепкую клетку и думаешь, что дочь на седьмом небе от твоих замков? Я-то знаю, как нужна человеку свобода. Но одно тебе, безусловно, удалось. Девочка на своего отца смотрит как на пустое место. Специально под-

считал – две недели человеческим словом не перебросились. Это живя бок о бок.

А когда я попытался поделиться с ней своими мыслями, она просто оборвала меня, совсем как мама, заявив, что мои проблемы это мои проблемы, и ее они совершенно не интересуют. Вот так. Телефон стал дороже родного отца.

Попробовать объяснить «моей», что девочка стала совсем, чужой? Пытался, в далеком прошлом. Занятие совершенно бесполезное.

Вон рухнула в кресло напротив. Ногтями с полуободраным лаком вытянула из пачки сигарету. Может я мнительный – но эти ободранные ногти страшно раздражают. Прикурила, затянулась глубоко. Зло смотрит на меня. Я тоже смотрю. На ее шею, с уже морщинистой кожей, под которой пульсируют синие жилки. Порой, когда уже не вмоготу терпеть такое высокомерное к тебе отношение, я ловлю себя на неодолимом желании ласково, нежно, но очень крепко зажать эти жилки. И не отпускать. Пока не перестанут пульсировать...

– Я уже обзвонила всех... Больницы, травмпункты...

Она морщится и закрывает глаза рукой. Это означает, очевидно, морги, про которые она просто не нашла сил сказать, интересно, за кого она меня держит? Я-то слышал весь ее треп с подружками. Какие морги, там и медпунктами не пахло. Но чего спорить, не имеет смысла.

Я поудобнее устраиваюсь в кресле. Если уж суждено выслушивать обличительно-скорбные монологи, так хоть с

удобствами.

– Горяев!

Это мне. Когда-то, на заре семейной жизни, у меня тоже были ласковые домашние имена. Теперь зовут по фамилии. Как на собрании.

– Слушай, Горяев! Ты бы хоть из вежливости изобразил обеспокоенность.

Молчу. Жду. Это увертюра. Сейчас начнется основное. Максимум крика при минимуме содержания.

– Господи! Ну что ты молчишь как истукан?! Мужчина ты или нет? Ну, надо же что-то делать?!

Любопытно, она вспомнила, что мужчина все-таки лучше соображает, чем она.

– Что? – спрашиваю я. – Что ты хочешь?

– Что?! И это ты спрашиваешь меня? Поглядите на него – и это отец?! Другой бы на твоём месте...!

Она задохнулась, театрально раскинув руки, обращаясь к стенам и японскому календарю с полуголой девицей. Провинциально играет. Правильно сделали в свое время, что выгнали ее из театра. И нечего всем рассказывать про интриги режиссеров.

А вот про «другого» – это интересно. Что бы делал «тот», другой? Когда она согласилась выйти за меня замуж, я же был горд, чувствовал себя победителем. Как же – «тот» старше, опытней, уж какое – никакое имя у него было. А я – так, мальчишка-инженер. Думал, предпочли потому, что я луч-

ше.

Оказалось, нет. Обидно, но чтобы до конца понять это, мне понадобилось много лет. Ей бы только командовать. И чтобы ее слушались. Беспрекословно. А «тот» был сильнее. Куда ей им командовать. Тем все у них и кончилось. Тогда и подвернулся я.

Дуралей! Сам пошел под каблук. Даже побежал. С радостью. Только что хвостом не вилял. Хорошая она тогда девочка была. «Тот» ее хорошо воспитал. Потом начала становиться теперешней. А я ей помогал, боясь сказать слово поперек.

Надо было разводиться. Легко сказать – надо. Крепко меня тогда тестюшка связал. Должность завидная, выезд за границу, карьера – его работа. Сейчас поздно...

– ...с ребенком, может, уже случилось... – дух переведен, можно продолжать дальше. Что ж, послушаем, – Лучше не думать! Не думать! Ну, за что, за что – ведь все, все для вас? ...

Все понятно, все. Кроме того, что ты, дорогая, тратила на своих любовников, существование которых даже не слишком тщательно пыталась скрывать.

– ... Собирайся, вставай! – вдруг приказывает она.

– Зачем, – удивляюсь я.

– Зачем? – шипит она. – Мы едем в милицию! Да-да, именно в милицию! На Петровку! В уголовный розыск! Они все могут, они должны...! Вставай же!

Одеваюсь, в который раз выслушивая, какой я поганый человек. Беру ключи от машины. Честно говоря, ехать не хочется. И не потому, что я такой бессердечный.

Просто уверен, что девочка сидит сейчас у моей матери. После той ссоры, неделю назад, она скорей всего решила спрятаться на субботу-воскресенье у своей бабки. Но говорить я об этом не буду. И так «моя» свекровь видеть не может. Лучше молчать! Черт с ними со всеми! Послушаю, как «моя» сейчас начнет врать, что дочь никогда позже одиннадцати не приходит домой, что в семье – идиллия. А я, как водила из такси, – привез, увез...

На лестнице замечаю, что второпях забыл одну запонку. Будешь тут внимательным и спокойным, под такой аккомпанемент.

– Прекрати греметь ключами!

Ну это уж слишком! Истеричка!

В детстве я застрелил из отцова ружья кошку и долго мучился. Теперь, наверное, таких мучений уже не было бы...

3. Сотрудник уголовного розыска

... Молчим. Момент визуального знакомства, как определил один начитанный стажер. Проще – разглядываем друг друга.

Их двое. Смотрят одинаково – с настороженным интересом. Можно ли мне доверить свою беду. Мне, человеку совершенно незнакомому? Не обману ли я их надежд?

Эти первые секунды важны. Во всяком случае, для меня. Начнут мне верить – больше расскажут. Больше расскажут – легче работать. Умение нравиться людям – для нас, сыщиков, качество.

Может они ожидали чего другого? Этакого супермена? Но чего нет, того нет. Так, коротко стриженный, чуть полноватый, выше среднего роста, лет тридцати. Костюм вполне приличный, хотя и не по последнему писку моды. В общем, вполне нормальный средний человек. Между прочим, самая лучшая внешность. Быстро становишься своим. На супер сыщиков хорошо любоваться, а разговаривать проще с таким же, как и ты. Он как-то ближе.

Я тоже их разглядываю. Во-первых, надо сразу понять, какой стиль разговора, выбрать, во-вторых, чисто по-человечески интересно, а что это за люди? Конечно, работая в уголовном розыске, в новых знакомствах недостатка не испытываешь. Но человек, которому приедаются встречи с людьми,

который больше не испытывает к ним никакого интереса, может работать на любой другой, лучше бумажной работе, но только не в розыске. Слишком близко мы стоим у человеческого несчастья. Неловко повернешься и вместо помощи можно принести новое несчастье.

Честно говоря, не особо выдающаяся пара, с достатком несколько выше среднемосковского.

Привыкли следить за собой. «Сам» – в хорошо пошитом темном костюме, свежей сорочке. Галстук в тон. Скорее всего, такой парадно-деловой вид – для него обычно-повседневно. Иначе к чему наряжаться к середине ночи? Только вот на левом манжете нет запонки. Потерял или забыл в спешке? Скорее второе. Вон другая, с декоративной цепочкой. Такую потерять сложно.

Она одета тоже хорошо, хотя менее тщательно. Волнуется. Глаза заплаканные, припухшие. Судорожно мнет в руках маленький надушенный платок. Духи дорогие, по-моему, французские. На ногтях старый маникюр, лак уже облез.

На вид – добропорядочные супруги со стажем. Как у нас отмечают в документации – «благополучная семья», что же с ними стряслось?

Я прерываю затянувшуюся паузу:

– Слушаю вас?

Она вздрагивает, подается навстречу.

– У нас... – она всхлипывает-, подносит платочек к глазам. Он берет ее за локоть, сжимает, успокаивая. Я думал,

что он заговорит сам, но продолжает она.

– У нас несчастье... Наша дочь не вернулась домой. Ушла еще днем и не вернулась...

Вот оно что... А я – то думал...

Впрочем, нечто подобное ты сразу и предположил. Это уж потом в голове всяких страстей накрутил.

Минут десять назад звонок дежурного поднял меня с дивана в кабинете. Чертыхнувшись про себя, я снял трубку. Когда по городу дежурит Викула оперативнику покоя нет. Все время дергает. Может, совпадение, может, нет, но в смену Сердюкова или Дайкова поспокойнее. А тут только с выезда вернулся и на тебе – опять...

– Спустись, дорогой, в дежурку. Заявители пришли... – голосок у Викулы мягкий, вкрадчивый. Прямо масло из телефонной трубки закапало. Так и понял, что-то совсем неинтересное. Выдернул из розетки шнур электрического чайника, тщательно оберегаемого от пожарников, застегнул хомут кобуры, и по скрипящему старше паркетом коридору, пошел к внутренней лестнице во двор. Вот тогда-то и придумал страсти. В который раз убеждаюсь, что первым предчувствиям нужно верить.

Ладно, эмоции эмоциями, а у людей несчастье. Надо работать.

– Куда ушла? Сколько лет? Фамилия, имя, отчество? Во что была одета?..

Я достаю блокнот, ручка наготове. Специально набросал

сразу несколько вопросов. Не надо создавать атмосферу допроса. Лучше потом переспрошу, если что забудут сказать.

Отвечает она.

– Плащ – светлый... Туфли – белые... – начинает почему-то с одежды. – А платье темно-синее, в горошек, с белой кокеткой... Горяева Светлана Игоревна... Недавно семнадцать лет исполнилось. А еще у нее сумка, модная такая, Игорь привез, тоже белая, – она снова всхлипывает. И он опять поддерживает ее под локоть.

Интересно, что ей так дался этот белый цвет – все время акцент делает именно на него? И почему говорит она? Супруг менее возбужден или лучше держится, во всяком случае, мог бы, наверное, более внятно изложить суть дела. Сидит как зритель. Странно.

– Скажите, пожалуйста, ваш адрес?

– Карамышевский переулок, дом..., квартира... Учится она в институте управления... На первом курсе...

Закрытые толстым плексигласом внутреннего окна, за нами лениво наблюдают ребята из дежурной части. Хорошо им – сутки отсидели, двое – дома. А у нас, когда запарка – выходные как награда.

– Когда ушла?

– Мы говорили, сегодня... Наверное, после обеда... Меня не было дома... Игорь на работе...

Смотрю на часы – половина второго. Может, рано паникуют? Хотя родители... Шура Бойцов сейчас, наверное, на-

зидательно произнес бы свою любимую фразу: сам обзаведешься детьми – поймешь... У него двое, ему верить можно...

– В свое отделение милиции обращались?

– Я звонила. Но мне сказали, что разыскивать положено только через пять суток. Закон такой...

М-да. Закон совсем не такой. Сделал пометку. Нужно будет разобраться с теми «композиторами».

– ...Вот мы и решили сразу на Петровку... – она говорит настороженно, словно готовится ругаться. И он ослабляет узел галстука. Словно к битве приготовились.

– Решили и хорошо, – она обмякает. Не ждала. – А раньше ваша дочь не задерживалась так поздно?

– Что вы? Никогда! Самое позднее в одиннадцать дома...

– А у подруг, приятелей...

– Мы уже со всеми связались. Ее нигде нет.

– Может свидание... Первая любовь... – трудно родителям задавать такие вопросы. В лоб-то не спросишь о том, что интересуется.

– Нет-нет... Мы с ней подруги... Она бы мне рассказала. Она только учебой, ну... подруги. Мальчишки просто знакомые...

Нет, нет.

– А вы не поссорились случайно?

– Что вы... Я же говорю, у нас теплые дружеские отношения.

Отец упорно молчит. Кто глава семьи, здесь невооруженным глазом видно. И отчего он такой молчаливый?

Но главное другое. Где может быть эта девчонка? Гуляет? На улице погода не для прогулок. Холодный дождь накрапывает, ветер.

– Ее фотографии у вас с собой нет?

– Что? Зачем?.. А-а-а, простите, не догадались. Игорь подвезет.

– К утру не поздно? – уточняет он.

Я вытаскиваю зеленоватый бланк объяснений и прошу заполнить.

– Господи, Неужели все так серьезно? Я не переживу... – она снова громко всхлипывает и прижимает платочек к глазам. Горяев, поняв, что ему придется заполнять бланк, с некоторым опозданием протягивает руку.

Он пишет быстро, мелким аккуратным почерком. Прошу указать номера телефонов, домашнего и служебного. Говорю какие-то успокаивающие слова и провожаю до дверей. На прощанье передаю листочек со своим служебным телефоном.

Все. Хлопнули дверцы горчичных «Жигулей», мелькнули красные огоньки в нашем старом Средне-Каретном переулке. Все...

Возможно, эта история закончится спокойно и благополучно. Дочь появится сама, и самое страшное, что ей предстоит выдержать, это бурная семейная сцена. Или все только

начинается? И финал будет не таким счастливым?..

4. Ответственный дежурный по городу дежурной части главного управления внутренних дел

... Ну и боль, черт ее подери! Словно стержень в позвоночник загоняют. Как сырая погода или понервничаю – в крестце так и ломит. А там еще и голова раскалывается. Я тут как-то видел перечень наших профессиональных болезней, в пенсионный отдел, когда заходил. Не поверишь, пока в руках не поддержишь – том целый. Тут не то, что до старости добраться, непонятно, как со всем нашим добром до отставки доживают?

Ладно, это все от боли. Чтой-то я, как старик; о болячках разохался. На службе – о службе. Так – расслабиться. Опустить руки вдоль тела, чтобы меньше давило вниз, на позвоночник. Дождаться слабости и легкой испарины. Тогда и конец боли.

Звонок. Неудобно, надо дотянуться к трубке. Повернулся и снова, словно на раскаленную иголку насадили. Как его там? Травматический спондилез? В госпитале говорили, да все из головы вылетает. Каждый раз по-новому называют. В жутких снах снова вижу ту, свою первую боль. Именно вижу. Как тогда – будто рвет тебя на части и ломает.

Забыли мы, что «бандеры» великие мастера на всякие па-

кости. Надо было проверить, все ли вылезли из сخورона. Я вслед за лейтенантом нашим новеньким спрыгнул в кислую духоту бункера. Сделал два шага, еще не различая ничего, наткнулся на его спину. Он как раз что-то открывал и тут к-а-ак крутануло...

Во Львове, в территориальном госпитале, где лежали такие же пацаны, как и я, призванные уже после, всех побед и над Германией и над Японией, но получившие свою порцию железа от войны, тощий капитан-хирург, объяснил, что спас меня тот лейтенант, которого на куски разорвало, да автомат, который прикрыл грудь. Только один, малюсенький, с кончик булавки осколок от бандеровской мины, ударившись о кожу ствола, рванул в сторону и засел где-то в самом низу, у основания позвоночника, зарос мозолью. Капитан тот пообещал, что лет двадцать и замечать не буду. Достать-то его было невозможно. Тогда двадцать лет вечностью казались, а вон как проскочили.

Вот, опять начинает. Терпи казак, атаманом будешь. Хотя, атаманом уже не стать, но до всех положенных прибавок к пенсии дотянуть надо. Внуки подрастают.

Самое трудное, на дежурстве виду не показывать, что болит, собака. Снизу позвонили, что пришли заявители, интеллигентная пара. А тут самый приступ. Дело-то для РУВД. Но я дежурного опера вызвал, – Молодежь она хорошая, только вот все по верхам летает. Надо и на обыкновенные беды реагировать. Мы, небось, не с цифрами, как математики, с

живыми людьми дело имеем. Полезно и в быт окунуться.

Ребята принесли стакан чая. Такой, как я люблю, вишневого цвета, густой. Сейчас отпустит маленько и хлебну. И, чтоб никто не догадался, когда схватит, улыбаюсь. Говорят, так у меня вид благодушной.

Вот и дежурный сыщик. Отхлебну, чтоб думал, что испарина от чая. А может, шут с ними, с прибавками? Пусть дома шипят, сколько хотят, что им не хватает. Хватит!

С другой стороны, чего дома делать буду? Из угла в угол слоняться? Или с мужиками в беседке в козла стучать? Так они меня, может, и не примут...

По глазам вижу – выудил парень что-то у заявителей. Начнет сейчас в сводку по городу пихать. Молодые, торопятся. Боятся не успеть. А по мне – лучше семь раз отмерить. Лишнего давать не стоит. Сводку-то не только наши непосредственные начальники изучают, но и кто повыше. Что зря беспокоить. Может выясниться все через час – другой? Сутки-то, они, ой, какие длинные.

Опять заныло. Когда ж это все кончится? Надо скорее глотнуть чаю и шутливым тоном спросить:

– Ну что, сыщик, пообщался с заявителями? – вроде получилось...

5. Сотрудник уголовного розыска

...На втором этаже дежурной части оперативный зал. Рядом пульта с множеством всяких тумблеров. Во всю стену карта города, с мигающими лампочками. Красиво. Сколько сюда хожу и каждый раз словно в, какой-то незнакомый мир. Честно говоря, не вяжется у меня все это с моей работой, с грязью, матом, кровью, ранениями и воровством.

Все время хочется спросить о тех огоньках – они для красоты мигают или есть какой-то практический смысл? И если есть, то почему на эту карту никто из дежурных никогда не смотрит? Но у нас чужими делами интересоваться не принято. Не этично. Принято хорошо делать свое.

А вот и реальность, которая, никак не стыкуется с этим фантастическим уголком. Викула блаженствует, развалившись за пультом. На столике рядом – стакан крепкого чая. Не хватает только тазика с теплой водой, ноги попарить, и пушистого кота на коленях. А так – совсем домашняя обстановка.

Он ласково улыбается мне. Майорские погоны, как крылышки херувима, поднялись торчком на форменной рубашке.

– Ну что, сыщик? Пообщался с потерпевшими?

До чего ж хорошо он живет. Все время улыбается. Словно и забот нет.

– Пообщался, – отвечаю я как можно более официально.

ным тоном. – Не наше это дело. В районе такими вопросами должны заниматься.

Викула не отвечает. По-прежнему лукаво щурится и улыбается. Его, по-моему, ничего не может вывести из равновесия.

– Надо бы, – продолжаю я, поняв, что ответа на свое замечание не дожидаться, – ориентировочку дать по городу: «Ушла из дома и не вернулась Горяева Светлана Игоревна...»

Читаю весь текст.

Викула сразу не отвечает. Он вкусно отхлебывает из стакана. Отдувается. Большим носовым платком вытирает испарину со лба и, словно нехотя, говорит:

– Дадим, милай, дадим... Вот чайку попьем и, дадим. Ты текстик-то пока вычитай, чтоб ошибок не было.

Попьем... Угостил бы чаем – попили бы. А так – сиди, жди, пока он свой бездонный стакан закончит. Я, между прочим, еще не ужинал. Мой-то стакан чая, по его милости, вскипеть не успел.

Дозрев, раскрываю рот, чтобы высказать Викуле все, что думаю по поводу такого стиля работы.

Но именно в этот момент на пульте начинает судорожно мигать красная лампочка и глухо урчит зуммер. С Викулы мгновенно слетает вальяжность, он весь подбирается и, щелкнув тумблером включения в линию, внимательно слушает. Лицо его мрачнеет, и он жестом подзывает меня. Судя

по всему, что-то серьезное.

– Со скорой звонили. – Викула оторвался от телефона. – Дежурную бригаду на выезд. – Это уже своим помощникам. – Поедешь к Зубовской, – он снова обращается ко мне. – Ножевое ранение. Быстрее. Следы пока свежие...

Я скатываюсь по лестнице. Во дворе урчит желтый уазик. Франтоватый Леха Жданов уже зачихал своего кобеля, такого же франта, в машину, через заднюю дверцу. Лезу в темноту салона, если этот не слишком удобный ящик можно назвать салоном. Наступаю на ноги доктору Токареву; Доктор – это прозвище. По профессии он эксперт научно-технического отдела. Вроде все в сборе. Петр Прокопич, следователь, сидит рядом с водителем. Можно трогаться.

Из подъезда выскакивает помощник Викулы. Кричит, чтобы позвонили оттуда. Позвоним, позвоним, не первый раз на выезде...

Выскакиваем из Колобовского переулка и ждем по Петровке в сторону Садового кольца. Сирену не включаем. Поздно, что людей будить. На крыше крутятся маячки. Мрачные синие блики словно отодвигают запоздалые машины с нашего пути, останавливают ночных прохожих.

Лешкин кобель за сетчатой перегородкой повизгивает, стучит хвостом о металлический пол. Волнуется, работу чувствует.

Молодой еще.

Жданов тоже только пару лет как из погранвойск демо-

билизовался. Тоже волнуется. Интересно, от кого кому передается беспокойство: от пса Лехе, или наоборот? Прокопич, вот воплощение невозмутимости. Дремлет себе тихо на переднем сиденье, Токарев что-то не в себе. Случилось чего или заболевает? В такую погоду не мудрено ОРЗ подхватить. Вон, какая пакость моросит. Хорошо, что всегда с собой плащ-болонью ношу в сумке. Пусть ребята посмеиваются. Зато сейчас пригодится. Проскочили Смоленскую. Уже совсем немного осталось. Я просовываю руку под пиджак. Нашупываю рукоять «Макарова», в кармашке – запасная обойма. Всяко может случиться. Когда-то в самом начале работы я пытался угадать, что меня ждет там, на месте преступления. Но потом понял, этого делать нельзя. Устаешь от волнения раньше, чем начинаешь работать.

Сворачиваем на Пироговку и около длинного ряда темных троллейбусов, ночующих на улице, останавливаемся.

«Скорая» еще здесь. Хорошо, что не уехали – может, удастся поговорить с потерпевшим, если врачи дадут, конечно.

Под Прокопичем скрипит сиденье, он поворачивается к нам.

– Ты давай к «скорой»... – это он мне. Прокопич вообще любит обходиться местоимениями.

– А ты готовь своего зверя... – это, естественно, Алехе. Доктору он ничего не сказал. Значит, будет в резерве. Следовательно у нас опытный, знает, что делает...

6. Врач «Скорой помощи»

...я просто боюсь. Каждый раз, когда диспетчер вызывает нашу бригаду, начинаю предполагать самое страшное.

На станции меня считают нелюдистой, замкнутой, черствой. Нет, все совсем не так. Просто не хочу, чтобы кто-то догадался, в каком состоянии я отправляюсь на выезд.

Самое страшное... А что это такое? Еще до «скорой», три года, пока училась в институте на вечернем, я в больнице работала. У медсестры забот хватает. Чего только не насмотрелась. Каких только смертей не видела, каких болезней. Думала все – иммунитет появился у меня к человеческой боли. То есть, понимать, понимаю и жалею, но внутрь себя не допускаю. Для хорошего врача такое умение, наверное, просто необходимо. Да об этом и написано много, зачем повторять.

Когда на «скорую» переходила и не предполагала, что здесь меня ждет. В поликлинике врач зарабатывает не так много. Деньги понадобились на кооператив, а облагать «налогом» больных, как пытались делать некоторые, противно.

Только теперь я поняла, какой он, настоящий страх. На четвертый день, именно на четвертый день работы, мы выехали на автомобильную катастрофу. Мои пальцы до сих пор чувствуют, как на запястьях детской ручонки пропадает тоненькая ниточка пульса. А я ничего не могу сделать, ничего.

Больница... Много ли увидишь среди белых стен и аппа-

ратуры? Там люди поставлены на грань беды и радости. У нас все по-другому. Беда настигает людей везде, ужасная своей неожиданностью и неотвратимостью. Кровь смешивается с грязью. И я уже не медик, не просто врач, а бог, который вот сейчас, на глазах других, обязан совершить чудо. И никому нет дела, что я сама еще девчонка и очень боюсь чужого горя.

Вот и сейчас. Я, еще подъезжая, заметила – лежит на правом боку, съезжившись и подтянув колени. Неужели в печень?!

Осмотрели и действительно, хуже некуда. Бок, прижатый к мокрому асфальту, подплывает темной кровью.

Знаете; что такое ранение в печень? Возьмите кусок сырой печенки и полосните по нему ножом. Потом вденьте в иголку нитку, лучше белую, так виднее, и попробуйте зашить разрез. Вы увидите, – как нитки будут прорывать ткань, не стягивая краев...

Так, лирику в сторону!.. Противостолбнячную... Вывести из шока... Остановить кровь... Шок продолжается. Надо активнее... Внутривенную инъекцию...

Какого черта здесь стоите? Срочно передайте, пусть готовят стол, реанимационную бригаду... Тампон!

Как это водители совершенно ни на что не реагируют? Хорошая выдержка или просто на все наплевать?..

Еще один тампон! Пока так, сверху...

Страх не мешает давно заученным движениям рук. Но я знаю, он не ушел, нет. Только притаился, мерзкий и лохма-

тый, чтобы появиться потом, когда вернусь на станцию, и диспетчер снова по громкой связи вызовет нашу бригаду.

Видимо, нельзя мне работать на «скорой». Пока я здесь, не избавиться мне от него. А вдруг уже никогда не избавиться?

...дыхание становится ровнее. Наконец-то! Рана обработана. По идее всё должно быть в порядке.

Подъезжает машина. Милиция. Теперь их дело начинается. Мы свое закончили. Можно ехать.

Кто-то, в темном плаще, грузно прыгая через лужи, спешит к нам...

7. Сотрудник уголовного розыска

Почему до сих пор никто не написал оду московским зевакам? Нет, серьезно. Это же просто уникальное явление... Они бывают везде и всегда, независимо от времени суток, сезона, погодных условий и характера происшествий. Даже реальная опасность не может победить их тяги к совершенно бесполезным знаниям.

Сегодняшняя ночь не исключение. Нормальные люди уже пятый сон добросовестно досматривают, а несколько старушек и пожилых мужчин, терпеливо мокнут, глаза на нас и на «скорую». Пока, правда, им скучновато – ни тебе пожара, ни автомобильной катастрофы. Ничего, сейчас Жданов выведет своего молодого крокодила и сразу станет веселей.

Спешу к «скорой». Потом в больнице, пока прорвешься через заслоны врачей – потеряешь массу времени. Теперь надо поговорить, теперь. Не мне это необходимо – делу.

Только собираюсь взяться за ручку, как дверь машины сама открывается. Внутри салона вижу неестественно яркий с мертвенно синим оттенком свет, колбочки, резиновые трубки и еще черт-те что. Снаружи страшно, а изнутри совсем... Приходилось «пользоваться услугами», после встречи с одними беспокойными «клиентами».

Ладно, пока бог миловал, можно на все медицинские страсти смотреть со стороны. К тому же, есть объект для

наблюдения поинтереснее. Хороша доктор! Глаза огромные, копна золотисто-рыжих волос. Королева! Отмечаю, что обручального кольца нет. Я разведенный и среди друзей считаюсь убежденным холостяком, но мысль о необходимости обзаведения семейным очагом меня нет-нет и посещает.

Улыбаюсь, как можно приветливее. Для дела полезно и вообще располагает, чисто по-человечески.

– Доктор, как там потерпевший?

– Плохо.

– Поговорить можно? – вкрадчиво спрашиваю я. Она пристально смотрит на меня. Ясно, разрешать разговор с пациентом ей не хочется. Улыбаюсь еще обаятельней. Надо, девушка, позарез мне задать несколько вопросов. Может тот тип с ножом где-то поблизости бродит. А если он не один?

Вдруг доктор тоже улыбнулась и, сразу же спрятав улыбку, распорядилась:

– Минуту дам. Не больше. У нее полостное, проникающее... У нее? Значит, ранена женщина. Влезаю в машину и тут же натываюсь на взгляд расширенных от боли глаз. Лицо грязное, потное, слипшиеся волосы. Совсем девчонка. Лет 17, не больше.

– Я из уголовного розыска, – говорю тихо, низко наклонившись к носилкам. Как же тяжело она дышит. – Где Вас ранили, кто?

– ...В кафе... были... Потом нас провожали... Эти подошли... Меня потащили. Я рвалась, потом закричала... Даль-

ше не помню!

Слова не произносит – выталкивает. Трудно ей. Но я не могу уйти ни с чем. Она – единственная ниточка.

– С кем вы были? Кто вас провожал? Имена, адреса, телефоны...

– С подругой..., Алик и Виктор... – потерпевшая обессилена закрывает глаза.

Меня трогают за плечо. Время прошло. Но я же так ничего и не знаю! Ну хотя бы еще один вопрос!

– В каком кафе вы были? В каком? Бело-синие губы медленно разжимаются:

– На Комсомольском проспекте... Фрунзенск... – договорить сил не хватает.

Выходя из машины, оглядываюсь. И только теперь замечаю, что на раненой девчонке – пусть грязный, но светлый плащ, и платье в крапинку, о котором вполне можно сказать – в горошек!

– Как ее фамилия? Документы при ней были? – поворачиваюсь на удине к симпатичной докторше, – Обнаружили одну? Подруга где?

– Не знаю. Никого здесь не было, когда мы приехали. Только сторож, который ее нашел. Документов я не спрашивала. Что еще?

«Королева» начинает сердиться? Понятно, ей тоже сейчас не до разговоров.

– Спасибо, все. Куда сейчас?

– В первую городскую, – она пожимает плечами и поворачивается к машине.

– Простите! – окликаю я ее. – Где вас можно найти?

– На станции «Скорой помощи». Доктор Шамрай...

Бело-красная машина, сверкая маячком, уезжает. Провожая ее глазами и иду к сторожу. А информации пока практически никакой – только предположения.

Сторож – старичок при исполнении служебных обязанностей – шмыгает носом и солидным басом представляется.

– Рожков наша фамилия. Федор Степанович.

– Очень хорошо, – говорю я по привычке, хорошего-то пока мало, – когда вы обнаружили раненую, где? И прошу вас, Федор Степанович, подробнее. Во сколько, что делали, что видели, что слышали?

– Вон тут и нашел, – он кивает на край тротуара. – Я рядом здесь нахожусь. Ну, а так часу во втором слышу – кричат. Честно скажу – не отреагировал. Думай, покричат – перестанут. И вправду перестали. Потом стон. Стонет и стонет. Вроде раненый, думаю. Я ведь на фронте санитаром был, это дело ой, как знаю, как стонут-то. Вот и вышел. А она тутось и лежит...

– Кричал-то кто? Мужчина? Женщина?

– Ну... Поначалу вроде как мужчина чего-то крикнул. Не разобрал. Радио у меня играло. Приемничек. Потом уж она, девчонка эта. Тонко так, вроде птицы.

– Она лежала как?

– Обыкновенно лежала. На боку. Рука под ней подвернутая. Кровь-то я поначалу и не заметил. Темно...

Старичок продолжает подробно рассказывать. Я киваю головой, уточняя детали, но думаю о другом. Рожков больше ничего интересного не расскажет. Главное изложил. Судя по описанию позы раненой, ее сначала развернули к себе, рванув за руку, а потом ударили ножом. Коротко, без замаха, чуть снизу и в бок. Вполне профессионально.

За что? Оказала сопротивление преступнику? Слишком много знала или не то увидела? Может, просто так, для забавы? Такое в последнее время тоже встречается. Тогда тот, с ножом, еще страшней. Какую еще новую забаву он придумает?

– Так можно или нет?

Вопрос Рожкова прерывает размышления.

– Что «можно»?

– Идти мне можно? Я на посту.

– Нет, Федор Степанович, нельзя пока... Пойдемте со мной.

Завожу его в салон УАЗика, где терпеливый Прокопыч пытается поговорить со старухами, которые сидят рядом перед ним и, стараясь привлечь внимание милицейского начальника, галдят все разом, не слушая никого, кроме себя. Теперь к ним прибавится еще и Рожков.

В салоне тесно. Я киваю доктору Токареву, забившемуся в угол, чтобы выходил.

Отрешенно слушавший старушек, Прокопыч вдруг настораживается и властным движением руки прекращает нестройное гудение. Одна из женщин сказала, что остался платок потерпевшей, когда санитары уносили ее. Это уже зацепка. Вдруг еще что осталось? Прокопыч кивает мне. И я с Токаревым иду на то место. Надо искать...

8. Эксперт

Даже кобель посмотрел на меня укоризненно, когда я остался в салоне. Ему на дождь, а мне в автомобильном тепле отсиживаться.

Ну конечно, мне всегда лучше всех! И работа не пыльная. Щелкнул пару раз фотокамерой, позвякал баночками, с кисточками повыпендривался – и вся деятельность.

Дилетанты! Попробовали бы сами поискать пальцевые отпечатки на сложных поверхностях, например, на батарее парового отопления для на некрашенных досках пола. Да еще чистенькие, хорошенькие, годные для идентификации. А их еще надо снять, сохранить, обработать, дать заключение, вывести дактоформулу. А, кроме того, проявить пленки, напечатать снимки, закончить срочную экспертизу, одновременно отбиваясь от панибратствующих сыщиков, у которых всегда все горит. И все срочно: «Выручи, Витек, за нами не пропадет!» Как же, не пропадет! Результат дашь – сразу забывают все свои славословия. И так, думают, мне прекрасно живется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.